

Александр Воропаев

В СТРАННЫХ МЕСТАХ

Александр Воропаев

В странных местах

«Автор»

2026

Воропаев А.

В странных местах / А. Воропаев — «Автор», 2026

Учитель Аркадий Кривицкий ищет исчезнувшую жену и попадает в сеть мистических событий. Следы ведут к старинному заговору, начатого его предком — белым офицером и поэтом, который в королевстве Лансанг возглавлял особый департамент. Семейная сага с элементами альтернативной истории, детектива и хоррора.

© Воропаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Воропаев

В странных местах

Глава 1

*Побудь со мной, ведь вечер настает.
Генри Френсис Лайт.*

1 глава. Теперь.

Собственно, злосчастное письмо обнаружил не я. Поднявшись на свой этаж, я долго искал ключи, лазил по всем карманам плаща и даже портфелю и чертыхался в голос. Ну что, забыл их в ящике стола? Возвращаться? Во всем, конечно, виновата старая ведьма: когда я подходил к дому, она так пялилась на меня из глубины своей лавки, за бликующим стеклом витрины, что в этот раз даже казалось, она специально строит мне гримасы. Конечно, это не могло не закончиться какой-нибудь пакостью. Английский замок щелкнул, и дверь распахнулась; услышав возню, мне открыла Потапова.

Галка с необыкновенной торжественностью кивнула, когда я с порога начал рассказывать сегодняшний анекдот, случившийся у меня в гимназии — все с тем же неугомонным Рывкиным, и пошла по коридору к кухне. У нее имелся собственный набор ключей от нашей квартиры и дачи, и как официальный друг семьи она запросто заходила к нам, чтобы пересидеть «окно» между уроками и перехватить пару бутербродов, благо заведение, в которой мы оба с ней преподавали, находилась всего в одном квартале ниже по улице.

Я бросил портфель на тумбу и стал стягивать свой выдавший виды плащ.

— Фу, ну и жара сегодня, опять с прогнозом наврали! Так вот этот Рывкин говорит мне, невинно моргая своими голубыми глазками: «Господин учитель, у нас дома уже вторую неделю живут родственники из Паксё. Они откуда-то взяли, что во Вьентьяне можно, натурально, купить билет на Формановский поезд. Может, вы им в этом деле как-то поспособствуете? По всему дому валяются их чемоданы и котомки, а дядя спит в моей комнате».

Поправляя пятерней волосы, я вошел в нашу светлую большую, замечательную во всех отношениях кухню. Галка стояла у открытого окна, прислонившись своей осиной талией к выступающей доске подоконника, и, сложив руки на груди, молча смотрела на меня. Круглый стол под абажуром был необычайно пуст, только посередине цветастой скатерти находился белый прямоугольный конверт, прислоненный к маленькой вазочке, в которой мы хранили разнокалиберные пуговицы.

— Можешь себе представить? Это же в какую сторону камень? Послушай, неужели Рывкин намекал на моего отца. Мне только теперь пришло это в голову... Он точно когда-нибудь доведет меня до смертоубийства. Что это? — спросил я, беря конверт в руки.

На его чистой, без всякого рисунка поверхности было написано всего лишь одно слово: «Аркадию». Губы у меня сразу одеревенели, рассказывать о засранце-ученике расхотелось — конечно, я узнал подчерк Антонины, и мое имя на конверте, определенно, ничего хорошего не сулило.

Потапова продолжала молчать. Когда я, вскрыв конверт, начал читать послание жены и пошел из кухни в гостиную, она, так же молча, последовала за мной. Окна из нашей гостиной выходят не на улицу, а во дворик и поверх кустов гибискуса и кордилины глядят на Меконг. Над ним сегодня целый день собирались облака, клубились сизыми пирамидами, но все никак ни на

что не решались. Я поднял на секунду глаза. Теперь по реке ходили темные пятна ряби, деревья на том берегу раскачивались, словно собирались выдрать из ила свои паучьи ноги и убежать прочь от бури, вглубь Сиама. Хорошо все-таки, что я перестал вглядываться в такие вещи, не жду больше, что из мангровых зарослей, чадя трубой, выскочит катер со скорострельным пулеметом и развернется к позиции тускло поблескивающим боком.

Широкие листья пальмы у дома, вздрагивая, приняли первые тяжелые капли. Муссонный период, наконец, официально начался. Прислонившись плечом к оконному косяку, под усиливающийся звук дождя, я дочитал послание жены до конца. Оно не было длинным.

— Ничего не понимаю, — сказал я.

— Можно? — Галка протянула руку.

Я отдал ей письмо и пошел в спальню.

— И что теперь делать?

Не думая, что полы моего пиджака по обыкновению испачканы в мел, я уселся на кровать, поверх бумажного покрывала, и подпер подбородок кулаками. В башке было пусто; капли барабанили по деревянным планкам жалюзей, по откосу; во дворе наливались и, пузырясь, закипали лужи — теперь без резиновых сапог из дома не выйдешь... Галка прочла письмо, сложила его и аккуратно, двумя пальчиками засунула обратно в конверт.

— Ну а что ты не понимаешь? Что здесь может быть непонятного? Ты имеешь в виду, эти ее намеки, что она решила покончить с собой? Можешь не беспокоиться, Антонина всегда была со странностями, но она слишком высокого о себе мнения, чтобы дойти до такого, просто она хочет напоследок еще тебя помучить.

Галка остановилась на пороге. Потапова никогда не заходила в спальную комнату. Надо полагать, в этом выражался ее протест против нашего с Антониной противоестественного союза.

— Совершенно ясно, Аркадий, что она тебя, наконец, бросила. А все остальное — обычные ее заскоки. Сто раз слышали. Что ты молчишь? О чем сейчас думаешь?

— Нужно позвонить Науму Яновичу.

— Ну, позвони. И что ты ему скажешь?

Я встал и пошел в коридор. Аппарат у нас висел на стене, посередине пути между кухней и гостиной, рядом со специальной полкой, где лежал телефонный справочник, и находилась урна для ароматических палочек.

— Спросишь, не предупреждала ли его дочь, что собирается удавиться?

Я в нерешительности прижал трубку к груди.

— Ты лучше подумай, Кривицкий, что будешь говорить Полинке. Надеюсь, ты понимаешь, что письмо ее взбалмошной мамочки показывать ни в коем случае нельзя?

— Ты уверена, что она в самом деле не того...

Галка фыркнула. Посмотрела на меня своими карими глазищами внимательнее и в лице ее появилось сочувственная нотка.

— Давай-ка, я сварю тебе кофе.

Уходить Потапова не собиралась. То ли она боялась, что я могу выкинуть какой-нибудь фортель, то ли считала необходимым принять непосредственное участие в моих дальнейших шагах. Моих шагах... а что я, собственно, мог теперь сделать? Первое, что приходило на ум, добраться до приятеля жены из «секты», и хорошенько его потрясти. Я знаю, где работает этот ее Ленечка — видел, как-то в витрине модного магазина на проспекте Короля Сисаванга; он помогал тучной даме примерить туфли. Обычный ассистент в обувном отделе, а туда же: строит из себя богему — царапает высокопарные стишки. Или Антонина сбежала с ним?... Нет, только не с этим шибзиком.

Галка открыла вентиль плиты и, громко чиркнув спичкой, зажгла фитиль конфорки. Керагаз уютно загудел. Использованную спичку она аккуратно положила на краешек плоски с

дежурной свечой; я ревниво проследил за ее движением: нет хуже приметы, когда сожженный огрызок засовывают обратно в коробок, даже с обратной стороны — между крышкой и донцем.

— Я всегда этого ожидала, Кривицкий, — сказала Галка, не поворачиваясь ко мне. — Антонина и так удивительно долго тянула. Почти три года. Знаешь, выглядит, как будто ей нужно было выдержать достаточный после твоего освобождения срок, прежде чем завершить брак. Можешь быть уверенным, она тебя ждала только потому, что считала это своим долгом. Ничего больше. Если бы ты вернулся сразу, как объявили перемирие, с положением и денежным довольствием, она бы не медлила и дня. Уверена, что у нее уже давно имелась для тебя замена. А вот если бы ты, Аркаша, не дай бог, стал инвалидом, вот тогда она тянула свою ношу до конца. Тоже, знаешь, своего рода благородное лицемерие.

В коридоре раздалось дребезжание дверного звонка. Я оторвал взгляд от худых Галкиных лопаток — она помешивала в поставленной на огонь джезве ложечкой — и пошел открывать.

— Аркадий Кривицкий, я полагаю?

За дверью стоял господин в плаще и котелке. По его усатому полному лицу, застывшему в каком-то напряженном ожидании, по казенному палевому плащу стекали капли дождя; дышал он тяжело, хотя у нас тут всего-то второй этаж. Кивнув на вопрос, я посторонился. Ни к чему было спрашивать о цели его визита: у меня в груди нарастало чувство разворачивающейся катастрофы, начало которой положено, конечно, все тем же злополучным письмом.

— Входите.

На лице господина появилось замешательство, словно он заранее ожидал, что я буду всячески ему препятствовать: нудно уточнять о цели визита, о полномочиях — но разве беду остановишь, подставив к двери ногу. Мне было не до него, в голову мне лезли самые страшные предположения, от них холодело в груди. Неужели Антонину уже нашли... Возникло странное ощущение, что все это уже когда-то было, было и в прошлый раз закончилось плохо.

За усатым чиновником в коридор стали входить один за другим, такие же усатые, но более поджарые и подвижные молодчики — эти были одеты в цивильное платье по моде. Я все пятился от них, пока не уперся спиной в дверной косяк. Галка, привлеченная звуками, выглянула из кухни в коридор.

— Господин Кривицкий, — грустно сказал щекастый предводитель, доставая из портфеля и показывая мне документ с красной печатью. — Вот постановление городского прокурора на обыск в вашей квартире. Извольте ознакомиться. И пока мои коллеги проводят осмотр, я намерен задать вам ряд уточняющих вопросов. Где мы с вами можем расположиться?

Его подчиненные, вежливо отодвинув меня в сторону, словно часть мебелировки, пошли за моей спиной в кухню, в ванную и вглубь квартиры.

— Дайте-ка мне, — потребовала Галка и немедленно взяла бланк из рук чиновника. Тот даже не успел ничего сказать и только поднял брови на ее решительную беспардонность. — Так... так... — изучала она документ. — Между прочим, кто вы собственно такие? А если потом к квартире не достанет каких-нибудь вещей или наоборот, окажутся лишние. Разве при следственных действиях не должны присутствовать понятые?

— Что еще за глупости. Это целиком на наше усмотрение и если в интересах дела... — поднял полный подбородок господин.

Галка не дала ему закончить фразу, небрежно вернув постановление.

— Ну, печать, допустим, похожа на настоящую, а про допрос без адвоката и разрешение своевольно нарушать законодательство в бумаге ничего не сказано — чистой воды «слащёвщина». Я бы на твоём месте, Аркадий, с ними вовсе не стала разговаривать.

— А вы, я так понимаю, Галина Эрастовна Потапова, — возвысил голос чиновник, — которая еще с гимназической поры состоит на учете, как лицо вздорное, даже неблагонадежное, посещавшее марксистский кружок, et cetera*. Может, вы, все-таки, оставите нас с господином Кривицким наедине? К моему вящему удовольствию и, предполагаю, даже взаимному.

Ничего с вашим товарищем не случится. Между прочим, Аркадий Александрович, если вы откажетесь говорить, то в силу упорного противодействия властям мы немедленно организуем постановление о вашем задержании. Сейчас же отправим к прокурору автомобиль. У вас такой уважаемый дед, зачем же его лишний раз огорчать? Ни нам, ни вам такое не нужно.

Грозный тон получался у него не очень убедительным. Непонятно, как он в таком случае управляется со своими подчиненными.

— Пройдемте в кухню, — сказал я. — Спрашивайте... Вы кофе не хотите? Как вас по имени-отчеству?

— Олег Игоревич Брумм, к вашим услугам. Жандармерия. Спасибо, но обойдусь и без кофию.

Галка последовала за нами и вновь заняла место у подоконника; лицо ее выражало непреклонное намерение присутствовать при экзекуции.

— Ну хорошо, оставайтесь, — вздохнул на нее чиновник, усаживаясь на предложенный стул. — Что с вами поделаешь. Разрешите, Аркадий Александрович, я закурю?

Я поставил перед ним пепельницу, сам поднес зажженную спичку (...во избежание эксцессов) и сел напротив, сложив на скатерти руки, ожидая вопросов и страшась задавать те, которые настырно вспыхивали в моей голове. Жандарм, приступая, деликатно откашлялся. Кажется, он сожалел, что был резок в словах. Он вообще, наверное, слыл прелестным человеком.

— Итак, Аркадий Александрович, потрудитесь припомнить точно, когда и при каких обстоятельствах вы общались с вашей женой в последний раз.

Мне стало тоскливо; «последний раз» прозвучало опасно и холодно, словно скальпель, извлеченный из бархатного футлярчика.

— Здесь, в нашей квартире, ...третьего дня, — ответил я.

— В воскресенье? — поднял скобки бровок чиновник. — И с тех пор вы не с ней не разговаривали — ни лично, ни по телефону? А где же она была затем? Вы не знаете? — Брумм подался вперед, пытливо глядя мне в лицо. — Как же так, Аркадий Александрович? Супруга три дня с кряду не ночует дома, а вы не волнуетесь, не пытаетесь ее разыскать. Она, в свою очередь, не извещает вас о своем местопребывании. Вы в размолвке?

— Нет, — ответил я, отводя глаза.

Что я должен был объяснить жандарму? Что за годы супружества моя жена хорошенько вышколила меня, даже выдрессировала, что она умеет пресечь мои еще зарождающиеся претензии одним только взглядом, более того, всего лишь удивленным поднятием тонкой брови; что у нее всегда имелись свои интересы, которые я не то что не разделяю, а даже и не вполне понимаю. Поэзия, живопись — это еще, куда ни шло. Я простой человек, приземленный и имею право не видеть в пестрой мазне на холсте какого-то возвышенного, необыкновенного смысла. Но этот ее салон, эти заумные разговоры о тонких планах бытия, о философской концепции того явления и этого — нужно быть одним из этой ее богемы, чтобы ночь на пролет жонглировать подобными словечками и при этом не свихнуться.

Три дня, он говорит... что там три дня — Антонина могла собраться за четверть часа, поцеловать меня и дочь в макушки и уехать на неделю, а то и две, лишь сообщив, что у нее неотложное дело где-нибудь в Чампасаке, или важная встреча, или симпозиум. Какой, скажите мне, может быть симпозиум у человека, неспособного приготовить для семьи... тарелку борща? Пребывающего в счастливом неведении, сколько стоит та же французская булка.

— Может быть, она ночевала у своего отца? — спросил Брумм, доставая из бокового кармана блокнот и заглядывая в него. — Архивариуса Наума Яновича Асмуса?

— Это вряд ли. Она не поддерживает с ним отношения.

— Вот как. А с кем поддерживает? К вам ходят ее приятели? Например, из этого ее артистического кружка или, может, знакомые по учебе в Шанхае. К ней вообще приезжали люди из Маньчжурии?

— Раньше у нас здесь много людей перебивало, — отвечал я. — Всех и не упомнишь. Случались гости и из Поднебесной*. Но это все было до войны. А после того, как я вернулся, все изменилось. Теперь Антонина, к счастью, старается не приглашать их в дом. Я не очень знаю, с кем она водится последнее время. Может быть, несколько человек... но фамилий я не припомню.

— Вам придется их все припомнить, сударь: и нынешних, и стародавних, — вежливо, но с нажимом сказал чиновник. — Они нам понадобятся. И о чем велись разговоры — тоже. Со всеми мыслимыми подробностями.

Он извлек из внутреннего кармана ручку-самописку, дорогую, малахитовую, и раскрутил колпачок, демонстрируя серьезность своих намерений.

— Зачем вам все это, Олег Игоревич?

— Зачем? — прищурился на меня жандарм. — Зачем... А вы знаете, милостивый государь, что ваша жена работает на иностранную разведку? Она у вас шпионка!

С минуту он смотрел на меня, подняв брови; плотная, поросшая рыжими волосками рука его держала перо авторучки над листом блокнота.

— Не очень-то вы удивлены, сударь, как я вижу.

Да. Его слова меня не поразили. Хотя, по всем понятиям, должны были. Но, к сожалению, в отношении Антонины ничему удивляться не приходится: она человек, живущий эмоциями, и, очень может быть, что могла увлечься и встрять в нехорошую историю... Подождите, но это, по крайней мере, означает, что она жива. Ни о каком... обнаруженном теле дело не идет. Самого страшного не произошло. Верно ведь?

— Значит, вы ее разыскиваете и она жива? — тут же озвучил я свою мысль.

— А может быть не живой? — встрепенулся Брумм. — Почему вы таким образом спрашиваете?

Потапова решила подать голос:

— Хорошо, господин жандарм, его жена, по вашему мнению, иностранная шпионка — кто его знает, может быть, Антонина запуталась и наделала глупостей, — но к нему-то самому какие у вас претензии? Аркадий обычный гимназический учитель, ветеран войны, между прочим, и к богемным кругам своей жены никакого отношения не имеет. И вообще, к вашему сведению, он сегодня получил от нее письмо, из которого следует, что она его оставила.

— Письмо? — спросил Брумм у Потаповой и тут же повернулся ко мне. — Но саму жену вы не видели? А может письмо принес нарочный*?

— Оно стояло вот здесь, — указала Галка рукой. — Когда с час назад я пришла из гимназии. Аркадия еще не было; я его не трогала.

— А утром вы могли его не заметить? — спросил чиновник у меня — Не могли... Значит, еще сегодня днем, она была здесь, — задумчиво пробормотал он. — Так. Это все меняет. Могу я его видеть?

— Письмо? — спросил я в нерешительности.

— Да, да. Письмо! Или вам есть что скрывать?

Пожав плечами, я отдал ему послание Антонины.

— Что, она разве буддистка? — быстро спросил жандарм, пробегая глазами по строчкам; наверное, второй раз кряду.

— Нет. Впрочем, я не знаю.

На пороге кухни возник один из молодых помощников Брумма. Надо же какая необыкновенная деликатность... или профессионализм. Обыск проходил так тихо, что я даже успел позабыть об их присутствии в квартире. Жандарм поднял на подчиненного рыхлую голову.

— Ну?

— Ничего существенного, господин капитан. Только вот... — Помощник протянул своему начальнику наш домашний железнодорожный справочник. — На четвертой странице, извольте видеть...

Шевеля бровями, Брумм ознакомился с тем, что нашел его подчиненный; в задумчивости постучал короткими пальцами по столу.

— Время не ждет, Аркадий Александрович, — сказал он, вдруг поднимаясь. — Мы обязательно продолжим наш разговор позже, а пока убедительно прошу вас, в ближайшие дни не покидать пределов Вьентьяна, а также воздержаться от передачи какой-либо информации о происходящем третьим лицам. Там... в гимназии и прочее. К вам, Галина Эрастовна, это тоже относится. Пожалуйста, сократите свой нрав...

— И не подумаю! — немедленно ответила Потапова.

Жандармский капитан на это только тяжело вздохнул и развел руками.

Я пошел провожать Брумма в коридор; его подчиненные уже покинули квартиру, последний из них только что мягко притворил за собой дверь. Жандарм снял с вешалки свой фетровый котелок и повернул ко мне усатое лицо, намереваясь, видимо, что-то добавить напоследок.

Дверь открылась снова, одним толчком, во всю свою ширь. На пороге стояла Полина. Вся промокшая, холодная, как лягушонок, без школярского плаща и берета, разумеется, а, напротив, одета, как будто сейчас из гимнастического зала — в коротких, выше колен, широких бриджах и блузе без рукавов; из открытого ворота видны ее худые ключицы.

— Пап! — сказала она, неприязненно озираясь на гостя. — Что здесь происходит? Кто все эти люди?

Она, по-матросски засунув руки в карманы, обходила жандарма кругом — как кошка собаку; ее парусиновые туфли, вдрызг разбитые, оставляли мокрые следы на паркете. Мне было даже неловко. На неподготовленного человека моя нескладная четырнадцатилетняя дочь, голорукая и голоногая, производила пугающее впечатление. Дикий зверек, Маугли. Но... — они же сейчас все такие.

— Доброго вечера, барышня, — пробормотал Брумм, озираясь на спасительную дверь. — Дождь не закончился?.. Ну, я, с вашего разрешения, откланиваюсь. Извините: мы, кажется, тут вам натопали...

Полина проследила за ним взглядом и, не вынимая рук из карманов, хмуро обошла квартиру.

— Матушка что-нибудь выкинула? — спросила она, останавливаясь в гостиной под люстрой.

Потапова ушла, оставляя меня объясняться с дочерью. Она ее теперь тоже немного побаивалась, хотя еще год назад с удовольствием возилась с ней, сопровождала Полинку на разного рода мероприятия, даже сама организовывала их, и ходила у дочери в лучших подругах, была поверенной во все ее секретные секреты.

Я поморщился на это «матушка» — сказано оно было вовсе не тем тоном, которым почтительная и любящая дочь должна говорить о своей матери.

— У господ из государственной службы есть к ней вопросы, — сказал я. — Ты ведь знаешь, наша мама разбирается в очень разных вещах. Им нужно проконсультироваться. Это их дело.

— Ага, конечно!

Я не обратил на ее ухмылку внимания. Как ни странно у меня в голове, наконец, улеглись все произошедшие события, и даже наметился план действий. Еще оставались вопросы — уйма заковыристых вопросов, но за консультацией я тоже знал, куда обратиться. Моего именитого деда пока не будем беспокоить. То, что неприятности со стороны жандармерии могут грозить лично мне, я не очень верил. Разберутся. Сейчас вам не времена Слащева...

И все же мне нужно найти Антонину первым, чтобы переговорить с ней. Лучше всего, если она сама явится в контрразведку. Настоящего преступления, она совершить не могла, здесь у меня сомнений не было, но даже если такое несчастье и случилось, в какую бы историю не попала Антонина, я ее очень люблю и никогда не оставляю. Она редкий, чудесный человек. Никто в целом свете не знает мою жену по-настоящему. За ее отстраненностью люди видят холодность и даже надменность, а на самом деле она ранимая, тонко чувствующая натура.

Мне пришла в голову еще одна обнадеживающая мысль. Вполне возможно, письмо было предназначено совсем не для меня. По разным признакам Антонина могла опасаться раскрытия своей деятельности и предвидеть то, что на пороге нашей квартиры вскорости объявится контрразведка. Таким образом, послание было призвано обеспечить мне своеобразное алиби — жена ушла и все взятки гладки. Может быть, она даже рассчитывала, что конверт первыми обнаружат жандармы.

Все это тем более означает, что она находится в очень сложном положении и ей нужна моя помощь.

— Полина! — сказал я нетерпящим возражений голосом. — Мне нужно срочно разобраться кое с какими вещами и у меня совсем не будет времени тобой заниматься. Сейчас ты примешь горячий душ — обязательно, не хватало еще простудиться — и мы поедem к твоему деду: ты пока поживешь у него. Собери, пожалуйста, необходимые тебе вещи.

Я решил не упреждать и не звонить Науму Яновичу. По телефону трудно толково объяснить произошедшие события.

Полина пожала плечами:

— Хорошо. Мне особенно ничего не надо, — Подумав, она все же пошла в свою комнату.

Как ни странно, она не стала сопротивляться моему решению. Впрочем, в отличие от жены, едва поддерживающей с отцом отношения, если не сказать большего, наша дочь довольно охотно бывала у деда, в его доме на Северных холмах. Пожалуй, ей там даже нравилось.

— Тебе придется, правда, добираться в гимназию на конке*, — громко сказал я, — но я надеюсь, это ненадолго.

— Не парься, па, нормально, — отозвалась Полина из своей комнаты.

Я на некоторое время замер на месте, перебарывая новое словечко. Видимо, оно подразумевало пожелание не утруждаться.

Едва мы вышли из парадной, дверь в бакалейной лавке отворилась; колокольчик вверху тенькнул. Хозяйка ее, несомненно, поджидала нас. Я непроизвольно поднял руку к горлу, проверяя, хорошо ли повязан галстук, — одним из свойств ведьмы было умение так смотреть на человека, что тот немедленно ощущал себя не в своей тарелке, а она терпеть не могла неряшливости в одежде, особенно у мужчин. Хм... на Полину это ее правило точно не распространилось.

— Вас не арестовали? — спросила бакалейщица энергично.

Я не нашелся, что на это сказать — тем более рядом со мной находилась дочка, а она все замечает и после обязательно потребует разъяснений — только сжал ручки брезентовой сумки покрепче. Слава богу, Полина отвлеклась — у нее такое бывало; сейчас ее внимание полностью, до остановки дыхания, поглотил смуглый водитель велофургончика, припаркованного через улицу. Он, видимо, доставил вечернюю прессу и теперь, поставив руки на тощие бедра, ждал, когда владелец киоска пересчитает пачки с газетами. Рекламная надпись на брезентовом кузове от лица общества Живой Геометрии взывало соотечественников принять посильное участие в сооружении Зиккурата.

Когда прохожие закрывали Полине обзор на эту ничем не примечательную сцену, она, не отводя напряженного взгляда, делала полшага в сторону. Я положил руку на плечо дочери

и тихонько сжал; выводить ее из этого состояния нужно было деликатно — в такие минуты она себя почти не сознавала.

— Что же вы, Аркадий? — продолжала бакалейщица. — Я вам давеча показывала глазами, чтобы вы зашли ко мне в лавку, а вы такой неосторожный. Я же видела, что вокруг нашего дома целый день шмыгают шпики. Этот народ я чую за версту — у меня опыт. И потом приехал этот большой автомобиль с начальником, и они все стояли за углом и чадили бензином. Я бы упредила вас... Куда вы сейчас собираетесь? С баулом и на ночь глядя.

Учитывая, особенность госпожи Шкловской немного косить на один глаз, упоминание того, что она предупреждала меня взглядом, звучало, как минимум, сомнительно.

— Антонина в отъезде, а мне потребуется... В общем, возникла потребность, Маргарита Николаевна, отвезти Полину к ее деду.

— Боюсь, что Тонечке бы это не понравилось, — покачала головой хозяйка лавки. — Но кому надо черта, тот сам к нему и идет. Вы обязательно потом загляните ко мне, Аркадий, не смотря, который на дворе будет час: мне завезли великолепные артишоки — чудо как хороши, прямо мои деточки; отвешу вам пару фунтов. И мне нужно буде вам кое-что сказать по секрету. Ах, я бы не советовала вам ездить на холмы, но вижу, вас не отговорить — вас влечет рок.

Видимо, она заочно переняла отторжение моей жены к Науму Яновичу. Откуда еще она его могла знать... Вот с кем Антонина находилась в отличных отношениях — это наша бакалейщица. Жена часто спускалась к ней в лавку, чтобы выпить свежего кофе и пошутиться. Хотя Маргарита Николаевна была дамой далеко лет за сорок и годилась моей жене — пускай и с изрядной натяжкой — в матери. Они странно смотрелись вместе. Бакалейщица — черноглазая и черноволосая, с природной кудрявостью и темпераментным резким характером, очень скорая на слова (на резкие слова, поэтому я и держал ее за ведьму), и Антонина — светловолосая, с довольно короткой, почти мальчишеской стрижкой и аккуратными скупыми движениями. Стройная как русская березка, с худощавыми плечами и руками. Которые изящно складывала, сидя, крест на крест, на колени, глядя на собеседника внимательно и глубоко... Что у них может быть общего.

— Пап, — сказала Полина противным тоном. — Упустим трамвай. И будем чапать пешком.

Трамвай мы, в самом деле, упустили, но, конечно, чтобы идти пешком, и речи не было — я нанял извозчика. Центральные улицы столицы обслуживались трамваем и конками — наша, идущая параллельно Меконгу до самого королевского дворца, входила в такие привилегированные — а чтобы добраться в кварталы ниже по течению, и выше, и другие окраины Вьентьяна, в том числе модные поселки, нужно уже было ловить пролетку. Так что это даже все равно...

Мы ехали довольно долго, кобылка возницы цокала копытами сначала по асфальту, затем, по мостовому камню, а после и по лежалой глине загородной дороги. Дождь, слава богу, утих, и склоны холмов не успели раскиснуть. Слева иногда открывался вид на вздувшуюся реку. Полина укачалась и спала, положив голову мне на руку; я глядел в молчаливую спину извозчика. Что же делать, что делать? Вот что бывает, когда обычный человек связывается с небесным ангелом — несчастными становятся оба. Хотя нет: я, конечно, страдал рядом с ней, каждый день чувствовал себя путами на ее сложенных крыльях, но жизнь без Антонины себе не представлял. Может быть, к такой судьбе я был готов заранее: все женщины в нашем семействе обладали незаурядным характером.

Мой тесть, королевский архивариус Асмус жил вверх по Меконгу в двух верстах от города. Дом у него был, может быть, не самый богатый в округе, но тоже... очень даже заметный и в своем роде с претензией на колониальную готику. Что сейчас, понятно, не в моде; сейчас мы осуждаем старый подход в национальной политике. Нет, не так: во всем нужна уме-

ренность — не одобряем... Особняк стоял на лесистом взгорке, в глубине сада; дома соседей прятались на других холмах, за гулкой стеной речного тумана.

Извозчик, пожилой седобровый вьет, с испугом оглядел каменные столбы, удерживающие чугунный забор, старый парк, мрачно чернеющий за прутьями, и укатил, едва я расплатился с ним. На просьбу задержаться на четверть часа, он только махнул рукой. Такое я уже замечал и раньше: в чем-то коренные лансангцы совсем как дети — их может встревожить оскал чудовища, выкованного на воротах, особенно позаимствованного из их родного фольклора. Теперь придется спускаться к большой дороге на своих двоих. Хорошо, что я догадался захватить с собой фонарик, армейский, на алкалиновой батарее.

Мы прошли через калитку. Сразу стало темно. Дорожка, петляя, вела между стволами баньяна, бодхи и других деревьев, мимо каменных фигур, тяжеловесных и неясных, мимо чернеющих провалов и груд валунов, поросших длинногривым мхом.

Мне, как всегда, стало жутковато, а Полина, немного сонная, почти не смотрела по сторонам. Для нее мрачный сад и лес вокруг усадьбы были частью детства, наверняка, она знала их как свои пять пальцев. Впереди виднелись ступени крыльца, над витражной дверью висели зажженные фонари, бросая на столбы портика и на чистый песок пятна желтого света. Я вскинул голову убедиться, что все светильники включены. Это была одна из моих привычных примет — если один из фонарей по какой-нибудь причине не горел, визит не сулил ничего хорошего.

Дверь открыла Елена. Как всегда очень опрятная, одетая в коричневое платье с черным передником. Сегодня она выглядела еще бледнее обычного. Под глазами залегли синюшные тени, шея могла поспорить белизной с кружевным воротником.

Я пробормотал приветствие. Никогда не знал, как с ней держаться. Она исполняла в доме роль и горничной и домоправительницы... и еще, очень возможно, любовницы Наума Яковлевича. Хотя в поведении ее на это ничего не указывало. Елена была слишком молода, тиха и робка, редко удавалось услышать от нее хоть слово за весь вечер, а в моем понимании мало какая женщина не преминула бы показать свой особый статус и доверительное отношение с хозяином богатого имения. Но однажды я случайно стал свидетелем происшествия, которое трудно трактовать в каком-нибудь ином смысле.

В тот раз парадная дверь под аркой портика оказалась заперта, на колокольчик не отвечали; я пошел к стороне особняка, смотрящей на реку, чтобы войти в здание через гостиную и, бросив рассеянный взгляд в глубину сада, возле каменной головы какого-то кхмерского чудовища или божка увидел их двоих. Но сначала я был привлечен фигурой именно горничной. Еще бы...

Она стояла. Платье на Елене было расстегнуто спереди до самого последнего крючка, видна бледная кожа и маленькие груди. Тесть сидел рядом на скамье, а может, стоял на колене и обнимал ее сзади за бедра. Губы его жадно прижимались к опущенной вниз руке девушки, к ладони. Глаза Елены были открыты, голова повернута в мою сторону, она обязательно должна была меня увидеть на открытом месте у дома, но не увидела — взгляд ее напоминал сомнамбулу. Мне почудились какие-то клокочущие звуки... В следующий момент я поспешил ретироваться. В тот день я даже не решился объявиться у Асмуса и поспешил домой. А приезжал я к нему, чтобы... не помню. Возможно, вернуть в его библиотеку какую-то редкую книгу, которую брала читать Антонина — я всегда оставался единственным мостиком между архивариусом и его дочерью. Со временем в таком качестве стала выступать и Полина...

Так вот: я вовсе не ханжа, никогда им не был, я понимаю, что между одиноким, не старым еще мужчиной и хорошенькой девицей, остающимися долгое время наедине, могут возникнуть любого рода отношения — особенно, когда мужчина занимает несравненно более высокий социальный статус и может соблазниться и воспользоваться своим преимуществом — но увиденная мною сцена выглядела отталкивающее. Покорная безвольность молодой девушки

и темная фигура тестя... Бог им судья. Легко скатиться в морализаторство, а перипетии собственной жизни давно отучили меня от этого.

— Наум Янович ждет вас, — проговорила Елена, опустив глаза.

Я непроизвольно сжал руку, в которой нес сумку дочери. Он ждет? Осведомленность тестя пугала до чертиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.